

М.М. Сафонов

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПЕТРА III НА СТРАНИЦАХ «ЗАПИСОК ЕКАТЕРИНЫ II»

21 апреля 1771 г. Екатерине II исполнилось 42 года. В этот день она начала работу над своими автобиографическими записками, охватывающими время от рождения Екатерины до свадьбы; заканчивались они более чем пикантно: августейшая особа решила публично рассказать о том, как провела свою первую брачную ночь. Это единственный в истории пример «откровений» такого рода. В записках говорилось о том, как великий князь Петр Федорович, «хорошо поужинав, пришел спать, и когда он лег... заснул и проспал очень спокойно до следующего дня <...> и в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения»¹.

Этим лирическим пассажем мемуары и заканчивались. Создается впечатление, что ради этой многозначительной фразы — «в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения» — и были написаны «откровеннейшие», уникальные в своем роде мемуары.

Они открывались посвящением своей подруге графине П.А. Брюс, которой мемуаристка могла сказать все, не опасаясь, что это может повлечь за собой последствия («à la quelle je puis tout dire sans que cela tire à la consecance»²). Заканчивались мемуары негласным вопросом, который не мог не встать перед читателем. Это и были те последствия (la consequence), на которые якобы мемуаристка не рассчитывала, откровенничая с Брюс. Дело в том, что читатель ее рукописи прекрасно знал, что через девять лет — 20 сентября 1754 г. — родился великий князь Павел Петрович, а потому невольно вопрошал: «А Петрович ли?» У читающего, во всяком случае, не могло не зародиться сомнений в законности цесаревича. Фраза о девяти годах платонической жизни была составлена так хитро, что читающий ее оставался

в недоумении: то ли в жизни новобрачных через девять лет что-то изменилось, и тогда на свет появился сын, то ли рождение первенца после девяти бесплодных лет никак с брачной жизнью Екатерины не было связано? Не высказываясь прямо, императрица подталкивала читателя к вопросу: «Был ли Павел сыном Петра III?» Поразительно, с какой легкостью императрица, обычно сдержанная и скрытная, не желавшая никого пускать в свой внутренний мир, приглашала посторонних заглянуть в замочную скважину своей опочивальни. Ради чего она была готова вывернуть наизнанку и сделать предметом обсуждения свою интимную жизнь?

Для этого были особые причины. Первое десятилетие царствования императрицы прошло под знаком борьбы между группировками Н.И. Панина и Г.Г. Орлова за право соправительства Екатерины и Павла. После смерти Петра III семилетний Павел наследовал его долю во владении герцогства Гольштейн-Готторпского и титул герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского. Ввиду малолетства цесаревича Екатерина II управляла этой долей голштинских владений как опекун. Патримониальное владение сына со временем могло создать опасную для ее власти ситуацию, при которой пока еще несовершеннолетний российский великий князь, политический соперник матери, станет полноправным немецким герцогом, владеющим территорией, служащей источником доходов и людских ресурсов. Екатерина опасалась, что, став совершеннолетним германским великим князем, Павел будет держать себя независимым от русской императрицы и превратится в орудие иностранной державы, враждебной России. Екатерина II была заинтересована в том, чтобы лишить сына патримонии, пока он не успел стать совершеннолетним. Эту точку зрения поддерживал и Панин. Но воспитатель наследника исходил из того, что, поскольку права Павла как немецкого владетельного герцога в результате такой уступки ущемлялись, потеря патримониальных владений должна быть компенсирована предоставлением новых прав в самой России путем объявления его соправителем своей матери.

11/22 апреля 1767 г. в Копенгагене был подписан предварительный договор, на основании которого Екатерина именем сына отказалась от прав на Шлезвиг и уступила Дании герцогство Гольштейн-Готторпское в обмен на графства Ольденбургское и Дельменхорстское, которые тут же передавались младшей линии герцогского дома в лице герцога и епископа Любского Фридриха-Августа. Таким образом за Павлом оставался только титул наследника Норвежского, герцога

Шлезвиг-Гольштинского, графа Ольденбургского и Дельменхорстского. Но этот договор должен был вступить в силу по достижении Павлом совершеннолетия, после того как он сам его одобрит³. Однако если совершеннолетие российского великого князя не было определено законодательством, что давало возможность продлевать малолетство цесаревича в зависимости от ситуации, то совершеннолетие Гольштейн-Готторпского герцога согласно немецким законам оканчивалось с наступлением девятнадцатого года. Это время неумолимо приближалось.

20 сентября 1772 г. Павлу исполнилось 18 лет. Никаких придворных торжеств по этому случаю не было. В октябре цесаревичу пошел 19-й год, признаваемый сроком совершеннолетия для германских князей, а потому императрица торжественно отеклась от управления его наследственными владениями в Голштинии и передала их ему. Но сделала она это келейно в личных покоях, в присутствии лишь Панина и голштинского министра при датском дворе К. Сальдерна. 21 мая 1773 г. Панин и Сальдерн подписали трактат об уступке Дании Шлезвига и Голштинии. Павел санкционировал этот договор, а затем, 14 июля, передал приобретенные посредством этого обмена графства Ольденбург и Дельменхорст коадьютору Любскому Фридриху-Августу⁴. 29 сентября 1773 г. Екатерина осуществила хитрый политический маневр: заменила превращение ребенка во взрослого официальным обращением мальчика в мужчину. Совершеннолетие наследника, имевшее важное общественно-политическое значение, императрица подменила семейным торжеством и в свадебных празднествах «растворила» сам факт достижения наследником взрослого возраста. За неделю до этого она лишила Панина поста обер-гофмейстера, бывший воспитатель получил благодарственный рескрипт и был осыпан милостями⁵. Богато одарив, Панина разлучили с совершеннолетним наследником и выдворили из дворца вместе с планами соправительства. Екатерина одержала победу и над сыном, и над его сторонниками⁶.

Именно в это опасное для ее власти время, в преддверии совершеннолетия сына, Екатерина начала работу над своими автобиографическими записками. Первая редакция записок стала ярким свидетельством придворной борьбы начала 1770-х годов и состояла из трех частей. Первая, начатая 21 апреля 1771 г., была написана, когда борьба вокруг соправительства только вступала в решающую стадию⁷. Работа над последней, третьей, частью⁸ велась в 1773 г.⁹, когда эта борьба уже завершилась победой Екатерины.

У читателя должно было зародиться сомнение в законности рождения Павла. Если Павел не сын Петра III, то прав на престол у этого юноши не больше, чем у Екатерины, — главное, что должен был вынести читатель из знакомства с мемуарами императрицы. Таков был расчет императрицы. Пожалуй, мемуары Екатерины ярче всего рисуют отношение матери к сыну, хотя о Павле в них нет ни слова. Ради того, чтобы не допустить его к трону, мать не брезговала никакими средствами. Благодаря «нескромности» матери вопрос о происхождении Павла должен был стать предметом салонных пересудов.

«Откровения» матери о том, как она на протяжении девяти лет не могла стать женщиной, появились как нельзя вовремя: накануне совершеннолетия наследника. Перефразируя известное выражение, можно было спросить: «А предки кто?» Ответ: мать — Екатерина, отец — бог весть... Более того, для наследования российского трона было не столь важно, являлся ли Павел сыном Петра III. Петр не назначил его наследником престола, это сделала Екатерина. И чей он в действительности сын, было неважно с юридической точки зрения: ведь закон Петра I о престолонаследии позволял монарху назначить себе преемника, не стесняясь узами родства. А вот наследовать владения отца в Голштинии и титул герцога мог только сын Петра III. Когда стал решаться вопрос об этих немецких владениях, тогда и понадобилась публичная «исповедь» женщины, якобы обделенной сексуально. В этой ситуации и понадобилось заронить зерно сомнения в законность происхождения Павла, который в таком случае не может и не должен оспаривать у матери российский престол¹⁰. При этом вопрос, являлся ли Павел действительно «бастардом», оставался открытым, так что репутация Екатерины не пострадала, потому что отцовство Петра III не исключалось, а только было под вопросом.

Правильность обмена Голштинии, то есть лишения Павла патримонии, никакому сомнению не подлежала, потому что такова была воля самого Петра Федоровича. Заключительный аккорд записок содержал доказательство этого тезиса. В последнем абзаце третьей части записок Екатерина писала о том, что осенью 1750 г. начались переговоры между датским посланником Р.-Ф. Линаром и канцлером А.П. Бестужевым относительно обмена Голштинии на Ольденбург и Дельменхорст. Бестужев «в качестве русского великого канцлера очень желал этого обмена, чтобы устранить это препятствие союзу между Россией и Данией, интересы которых во многих отношениях совершенно однородны. Граф Бестужев не отступил перед необычной

любовью, которую питал великий князь к Голштинии, где он родился; он приступил к переговорам и почти добился согласия великого князя (“il... parvint presque à persuader le grand Duc”)¹¹. Я поговорю об этом впоследствии¹², — заключила мемуаристка. Разумеется, никакого «впоследствии» не последовало: записки на этом оборвались. Иначе пришлось бы рассказать, что «согласия» на обмен Петр так и не дал.

Только учитывая все эти обстоятельства, можно правильно оценить достоверность «Записок Екатерины II» и составить верное представление о каждом персонаже, описанном в них. Ни один из историков династии Романовых Гольштейн-Готторпских этого не сделал, поэтому все герои «Записок Екатерины II», включая ее, вошли в литературу в искаженном виде. Но особенно «не повезло» ее мужу Петру III, свергнутому с престола, а затем и убитому при неясных обстоятельствах. Очевидно, «Записки» были призваны морально оправдать и то и другое, а воцарение жены Петра III представить как совершенно естественное и неизбежное

В «Записках» Екатерины II три главных действующих лица: императрица Елизавета Петровна, ее племянник великий князь Петр Федорович и его жена великая княгиня Екатерина Алексеевна. Точнее говоря, четыре. Незримо присутствует еще один персонаж — великий князь Павел. Хотя в прямом смысле его нельзя назвать действующим персонажем, потому что в тот период, который охватывает первая редакция «Записок», цесаревич еще не успел родиться. Тем не менее Павел, даже еще не появившийся на свет, незримо присутствует в тексте и оказывает существенное влияние на поведение главных персонажей. Главный антигерой записок — грубая, деспотичная и любвеобильная императрица Елизавета. Жертвой ее капризов становится юная и непосредственная, даже немного наивная, почти еще ребенок, принцесса Ангальт-Цербстская. Она ни на что не претендует и хочет в своем поведении сообразовываться со вкусами и привычками императрицы и ее племянника, вначале жениха, а потом мужа. Девушка восхищает всех своей красотой и искренностью. Она старается так же красиво и модно одеваться, причесываться и танцевать, как императрица. Но у принцессы это получается немного лучше, чем у государыни. Увядаящая императрица, погрязшая в пороках, ханжа и лицемерка, ревнивая и подозрительная ко всем, кто моложе и красивее ее, начинает преследовать «соперницу», кристально чистую в нравственном отношении, безгрешную в вопросах веры, безукоризненно соблюдающую религиозные обряды, наконец, идеальную жену. Пово-

дом для преследования послужило то, что принцесса, ставшая российской великой княгиней, выйдя замуж за племянника императрицы Гольштейн-Готторпского герцога Петра Ульриха, в православии Петра Федоровича, недостаточно сильно любит мужа и не рождает ему детей.

Для того чтобы показать, насколько необоснованны эти обвинения, а также и то, что никаких иных причин для конфликтов Малого и Большого дворов¹³ не было, мемуаристка разворачивает большое полотно, на котором с мельчайшими подробностями представлены ее отношения с супругом и августейшей теткой. При этом сквозь призму этих отношений проводится мысль о том, что ни муж, ни императрица не были в такой степени достойны российского трона, как она. Мемуаристка вложила все свое мастерство в создание портрета мужа, чтобы у читателя не могло возникнуть ни малейшего сомнения на этот счет. Это было особенно важно в тот момент, когда, отеснив совершеннолетнего сына от трона, Екатерина должна была доказать всему свету, что она занимает престол, потому что более всех достойна его. Создавая портрет великого князя Петра, мемуаристка решала эту двойственную задачу: чем ничтожнее и мельче Петр, тем возвышеннее и благороднее Екатерина. Портрет Петра — это обратная сторона портрета Екатерины. Удалось ли ей это?

Впервые мемуаристка увидела своего будущего мужа в 1739 г. в Эйтине: «Он казался тогда благовоспитанным и остроумным, однако за ним уже замечали наклонность к вину и большую раздражительность из-за всего, что его стесняло». Ребенок привязался к матери Екатерины, но ее «терпеть не мог». Одиннадцатилетний Петр завидовал свободе своей троюродной сестры, «тогда как он был окружен педагогами и все шаги его были распределены и сосчитаны». Екатерина обращала на него мало внимания. Но она оказалась взволнованной, когда 4 года спустя герцог Гольштейн-Готторпский был объявлен наследником российского престола. Родители принцессы стали предназначать ее в жены Петру, и девочка в глубине души понимала, что эта была самая выгодная партия из всех возможных. В январе 1744 г. императрица Елизавета пригласила мать Екатерины вместе с дочерью приехать в Россию на смотрины. Родители колебались, но девочка настояла. Более того, четырнадцатилетняя невеста, почти уже сговоренная с братом матери Георгом Людвигом, решила пожертвовать своим будущим семейным счастьем с обожавшим ее голштинским принцем ради открывавшейся перед ней более заманчивой перспективы в России.

Описывая приезд в Москву, представление императрице и великому князю, Екатерина лишь упоминает о том, какую роль играл ее суженый в этих церемониях¹⁴. Но не дает ему никаких характеристик, ничего не говорит о том, какое впечатление произвел на нее будущий муж. Мемуаристка отмечает: во время болезни Петр оказывал ей знаки внимания и нисколько не изменился после того, как она выздоровела¹⁵. Екатерина ничего не говорит о своем внешнем виде после выздоровления, хотя из описания болезни нетрудно заключить, что выглядела девочка плохо: 27 дней между жизнью и смертью, 16 кровопусканий, иногда по 4 раза в день, ежедневные приступы лихорадки по 16 часов¹⁶. Но это никак не изменило отношения к ней Петра. Екатерина замечает: «По-видимому, я ему нравилась» («Je parus lui plaire»). Что же касается чувств самой мемуаристки, то она передает их так: «Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но, по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа»¹⁷ («Je ne peux pas dire qu'il me plut, ni que il me déplut; je ne savais qu'obéir et s'étais à ma mère à me marier, mais au vrai je croi que la couronne de Russie me plaisait plus que sa personne»)¹⁸.

Итак, по собственному признанию, Екатерину более всего интересовала российская корона, Петр же представлялся ей прежде всего средством, благодаря которому эта корона могла бы оказаться на ее голове. Шестнадцатилетний жених «был довольно красив» («il était aussi goli») до того как, переболел оспой, но мал ростом и совсем ребенок («mais fort petit et très enfant»). С Екатериной он «говорил об игрушках и солдатах» («il me parloit de jouets et de soldats»), «которыми был занят с утра до вечера». Она слушала его из вежливости и в угоду ему, часто зевала, но не покидала его. Он же полагал, с что с ней надо говорить. Но поскольку Петр говорил только о том, что любил, он забавлялся, говоря с ней подолгу¹⁹ («Je l'écouter par politesse et par complaisance et souvent je bâillais sans en démêler la raison, mais je ne le quittais pas, et lui aussi croyait qu'il fallait me parler, et comme il ne parlait que de ce qu'il aimait, il s'amusait beacoup en me parlant longtems»)²⁰.

Мемуаристка сознавала, что найдется немало людей, которые были свидетелями ее тесного общения с Петром в это время²¹. Для того чтобы дезавуировать их возможные свидетельства, Екатерина поместила в свой текст такой пассаж: «Многие приняли это за настоящую привязанность, особенно те, кто желал нашего брака». Но в действительности этой вот «la vraie affection», которую можно перевести и как

«привязанность» и «любовь» или просто как «нежность», не было. Никаких чувств и эмоций: «Jamais nous n'avons eu en ensamble le language de la tendress» («Когда мы были вместе, у нас никогда никакой нежности не было»). Обычно этот пассаж переводят так: «Молодые никогда не говорили на языке любви», но это литературный перевод. Екатерина же имеет в виду не столько «l'amour», сколько говорит об отсутствии в их отношениях каких-либо эмоций вообще, подразумевает полную асексуальность жениха. Не девушка должна ее инициировать, пишет мемуаристка, скромность не позволила бы сделать это, если бы она ощутила нечто подобное, в ее душе было достаточно врожденного благородства, чтобы не сделать первый шаг. Он же об этом даже не догадывался. Это обстоятельство не располагало Екатерину в пользу жениха. Ведь девушки, хорошо воспитанные, любят нежности и ласковые речи, особенно тех, кого они могут слушать, не краснея²².

За исключением того, что Петр не проявлял себя как существо противоположного пола, он вел себя вполне достойно и действовал в интересах Екатерины²³. Что касается отсутствия эмоций со стороны великого князя, уместно вспомнить, что сообщала по этому поводу Екатерина в конце 1750-х годов в «Автобиографической записке» (написанной, когда она еще не знала, что Петр будет убит и ей придется оправдывать его свержение и расправу над ним). Впечатление от первой встречи в 1739 г.: «Красив, любезен, хорошо воспитан, словом, чудеса рассказывали об этом одиннадцатилетнем ребенке»²⁴ («Réelement était beau, aimable, bien élevé; enfin l'on criait au miracle de cet enfant»²⁵). Приведем другое впечатление — от второй встречи пять лет спустя, уже в Москве: «Великий князь... занялся мною, и я ему так понравилась, что он целую ночь от этого не спал и что Брюммер (воспитатель Петра. — М.С.) велел ему сказать вслух, что он не хочет никого другого, кроме меня». Екатерина нашла его еще совсем ребенком «во всех его речах», хотя на следующий день ему исполнилось 16 лет. Принцесса была этим удивлена, но не более: «Он мне не совсем, однако, не нравился. Он был красив, и я так часто слышала о том, что он много обещает, что я долго этому верила»²⁶. Рассказав о возвращении из Киева, Екатерина поместила в этом раннем тексте такое признание: «Великий князь любил меня страстно (курсив мой. — М.С.), и все содействовало тому, чтобы надеяться на счастливое будущее»²⁷.

После свержения и убийства Петра «любил страстно» превратилось в полное безразличие: «Когда мы были вместе, у нас не было никакой нежности». Однако то, что писала Екатерина в «Автобиогра-

фической записке», когда Петру еще предстояло стать императором, не может служить доказательством того, что так и было в действительности. Ведь и в этом тексте великая княгиня представляет такой образ своего мужа, который в тот момент она находила выгодным для себя создать. Есть независимые свидетельства об отношениях жениха и невесты, которые показывают, что в более раннем тексте конца 1750-х годов великая княгиня была гораздо ближе к истине, чем 15 лет спустя, когда, уже императрицей, создала первую редакцию своих мемуаров.

18 февраля 1744 г., вскоре после приезда в Москву, мать Екатерины Иоганна Елизавета сообщила мужу в Цербст: «Наша дочь стяжала полное одобрение. Государыня ее ласкает, наследник любит ее» («Le successeur l'aime») ²⁸. Если даже допустить, что герцогиня Ангальт-Цербстская могла принимать желаемое за действительное, то о подлинном отношении Петра к своей невесте свидетельствует такой факт. Когда в июне 1744 г. в Москве получили письмо отца Екатерины, выразившего согласие на ее брак с великим князем, Петр, по словам биографа императрицы, «совсем оглупел от радости: он прыгал, смеялся, носил письмо в рукаве, беспрестанно его целовал, всем прочитывал» ²⁹. «Я никогда не воображала, — удивлялась Иоганна Елизавета в письме к мужу, — чтоб великий князь, не сомневающийся в твоем согласии, мог быть до такой степени тронут твоим письмом» ³⁰. Показательно удивление княгини-матери эмоциям великого князя: она же знала, что Петр любит ее дочь, но не представляла, что он настолько влюблен.

Учитывая все это, нетрудно заключить, что объяснение Екатерины в первой редакции мемуаров своих несложившихся отношений с женихом его асексуальностью сильно «хромает». Между тем эта тема развивается в тексте воспоминаний, и чем более она развивается, тем менее в нее верится. Екатерина старается внушить читателю: не она виновата в том, что отношения не сложились, всецело виноват великий князь. Это был первый и самый главный пункт ее плана, который сложился в ее голове, когда она прибыла в Россию. Если она не смогла этого достичь, то либо обстоятельства были не расположены к тому, чтобы это произошло, либо провидению это не было угодно. Причина крылась в личности Петра Федоровича: «Son esprit était toujours très enfant» («Его ум все еще был ребяческим, несмотря на то что во время болезни корью он очень вырос физически»). «Вместо того чтобы познавать язык любви, он по-прежнему по-детски развлекался игрой

в войну. Болезнь значительно способствовала телесному росту, но ум его был все еще ребяческий». «*Cette maladie le fit grandir considérablement de corps, mais son esprit était toujours très enfant; il s'amusoit dans sa chambre à enrégimenter ses valets de chambre, ses laquais, ses nains, ses cavaliers (je crois que j'avais aussi un grade); il les exerçait et les dressait*»³¹. Переводчик перевел этот фрагмент так: «Он забавлялся в своей комнате тем, что обучал военному делу своих камердинеров, лакеев, карлов (кажется, у меня был чин); упражнял их и муштровал»³². Этот перевод не совсем точный. «*Enrégimenter*» следует перевести как «распределять по полкам», а «*dresser*» в данном случае означает одевать в военную форму, то есть обмундировать. Материалы Тайной экспедиции свидетельствуют, что именно этим занимались в ближайшем окружении наследника: людей из обслуживающего персонала двора наследника расписывали по военным единицам и снимали с них мерки, чтобы сшить соответствующую форму, обмундирование³³. Показательно употребление глагола «*s'amuser*», то есть «забавляться, развлекаться». Мемуаристка этим глаголом старается подчеркнуть: речь идет именно о детских забавах, а не о чем-то серьезном. Однако обмундирование «военнослужащих» из комнатных слуг, распределение их по родам войск наводит на мысль о чем-то более значительном и опасном для власти, нежели детская игра. Сами экзерциции по возможности производились втайне от его губернаторов, которые пренебрегали своими обязанностями, обращались с Петром грубо и неловко и часто передавали его на руки слуг, особенно тогда, когда не могли сами справиться.

Заключительный вывод новеллы о «детских играх»: благодаря дурному воспитанию либо по природным склонностям, «он был неукротим в своих желаниях и страстях» («*il était indomptable dans ses volontés et passions*»). Это важнейшая характеристика личности Петра. Екатерина отметила, что впоследствии ей придется неоднократно говорить об этом, поэтому сейчас она ограничится лишь фразой: «Тогда она была поверенной его ребячества» («*Alors j'étais la confidente des ses enfantillages*») ³⁴. Оправдание своему поведению, точнее говоря, соучастию в «*enfantillages*», мемуаристка находила в том, что не она должна была исправлять Петра, поэтому она не мешала ему ни говорить, ни действовать.

Другими словами, Екатерина вполне осознанно, а не по принуждению была соучастницей того, что разрушило ее семейное счастье и превратило брачные узы в недоразумение. В основании всего этого

лежала природная детскость великого князя, еще совсем ребенка, с сильными страстями и желаниями, которые пока проявлялись лишь в детских играх.

Заметим, что в «Автобиографической записке», написанной при жизни Петре, не говорится ни о военных занятиях великого князя, ни о его инфантильности. Тема «экзерциций» возникает лишь в первой редакции как некий ключ, с помощью которого можно понять, в чем была причина несчастий Екатерины, навлекшей на себя гнев императрицы. В «Автобиографической записке» метаморфоза в отношениях жениха и невесты объяснена чисто физиологически.

Как уже отмечалось, Петр был красив, любезен, отлично воспитан. Но в конце 1744 г. по пути из Москвы в Петербург он заболел оспой и очень изменился: не просто утратил былую красоту, а стал уродливым. И именно это заставило Екатерину испытывать совсем иные чувства к жениху: «Он только что оправился от оспы, лицо его было совсем обезображено и распухло до крайности; словом, если бы я не знала, что это он, я ни за что не узнала бы его; вся кровь во мне застыла при виде его и, если бы он был немного более чуток, он не был бы доволен теми чувствами, которые мне внушил. Он каждый вечер ужинал у меня, но чем ближе подходило время к моей свадьбе, тем больше я желала бы последовать за матерью»³⁵.

В раннем тексте физическое безобразие Петра явилось причиной того, что Екатерина переменяла к нему отношение и вместо предстоящей свадьбы предпочитала вернуться домой. В первой редакции упоминается о том, что мемуаристка испугалась, когда впервые увидела Петра, обезображенного следами оспы. Но главная причина отчуждения от жениха заключалась не в том, что он стал неузнаваем. Хотя великий князь очень вырос, Екатерина с первого взгляда поняла, что Петр «был таким же ребенком», каким она его оставила³⁶ («Il étias aussi enfant que je l'avais laissé»)³⁷. Именно в этом заключалась главная причина будущего семейного разлада. Поэтому, когда весной 1744 г. начались приготовления к свадьбе, Екатерина не могла слышать без отвращения любые упоминания об этом дне. Не потому, что жених был уродлив, но оттого что она не видела у него признаков мужчины. Инфантильность жениха проявлялась и в том, что он не выносил сентиментальной чувствительности в отношениях с невестой и вообще не жаждал видиться с ней. Иногда по вечерам он заходил в покои невесты, «но у него не было никакой охоты приходить туда; он предпочитал играть в куклы (“jouer aux poupées”) у себя; меж-

ду тем ему уже исполнилось тогда 17 лет, мне было 16; он был на год и три месяца старше меня»³⁹. Другими словами, наивная шестнадцатилетняя девочка уже тогда понимала, что уместнее был «язык любви», а не «игра в куклы». Указание на разность возрастов должно было подчеркнуть, что по развитию она превосходила своего суженого и болезненно переживала эту ситуацию. Когда с наступлением хорошей погоды Екатерина переселилась в Летний дворец, Петр сократил свои посещения. «Этот недостаток внимания и эта холодность с его стороны»⁴⁰ («се manqué d' attentions et cette froideur de sa part») накануне свадьбы не располагали Екатерину к жениху, и чем ближе становился этот день, тем больше невеста сознавала, что ее ждет «очень неудачный брак» («très mauvais mariage»)⁴¹.

Интересно объяснение Екатерины по поводу своей позиции. Будучи слишком гордой, она считала себе выше того, чтобы жаловаться. Более того, она вела себя так, чтобы никто даже не догадывался, что она считала себя нелюбимой. Она слишком высоко ценила себя, чтобы допускать, что ею могут пренебрегать⁴². Иными словами, со стороны все выглядело вполне пристойно. Не случайно Екатерина подчеркнула это обстоятельство: оно было призвано объяснить, почему ее «признания» так расходятся с тем, что видели придворные и близкие ей люди. Более того, Петр имел обыкновение обходиться и разговаривать с фрейлинами императрицы слишком свободно («Grand Duc avait certain manières libre et des propos avec les filles d'honneur de l'Impératrice»⁴³). Екатерина скрывала это от всех, а он даже не догадывался о тех душевных переживаниях, которые она испытывала.

Свадьба ничего не изменила в их отношениях: «Мой домашний уголок, — писала мемуаристка, — далеко не был приятен (“Mon chez moi n'était guère agreeable”). У великого князя все были какие-то ребячества, он вечно играл в военные действия, окруженный прислугой и любя только ее»⁴⁴ («Chez le Grand Duc il n'avais que des enfances; il était toujours à jouer avec des fonctions militaires, entouré de domestique et n'aimant qu'eux»)⁴⁵.

В первые дни брака Екатерина пришла к безжалостному заключению: «Je fis une cruelle réflexion por lui les primiérs jour de mon mariage». Чтобы не превратиться в самое несчастное существо на Земле, она решила не любить своего мужа. Екатерина рассчитывала на взаимность, но ждать ее от Петра не приходилось, ведь он почти не смотрел на нее и говорил только о куклах («Il ne parle que de poupées»), обращал больше внимания на других женщин, чем на нее. Поэтому, по мнению

Екатерины, следует обуздывать себя и не проявлять нежности, когда приходится быть с ним наедине («*bride en main s'il vous plait en fait de tendresse vis-à-vis de ce monsieur*»). Все последующее время Екатерина не отступала от этого правила, но она никому не открывала, что руководствовалась им. Твердое решение («*resolution ferme*») заключалось в том, чтобы никого не любить, если человек не отвечает ей взаимностью. Ее сердце всецело и безгранично принадлежало бы мужу, который любил бы только ее. Мужу, с которым она никогда не опасалась бы дурачеств, которые ей приходилось терпеть от Петра («*avec lequel je aurais point en à apprehender les incartades que j'avais à encourir avec celui-ci*»). Она была уверена, что от мужа зависит любовь жены, если у нее доброе сердце и мягкий характер. Любезность и хорошие манеры завоюют ее сердце⁴⁶.

Мемуаристка дает понять, что никаких свидетельств современников на этот счет не может быть, потому что она свое решение тщательно скрывала от всех. Если же возникнут показания, свидетельствующие об обратном, то они будут следствием неосведомленности очевидцев. Таким образом, Екатерина сразу же предупреждала вопрос, который мог появиться у читателей ее мемуаров: почему она не пошла навстречу своему мужу и, видя индифферентность своего супруга, не взяла ситуацию в свои руки, не была с ним нежной? Оказывается, она стремилась застраховать себя от будущих несчастий. Поэтому на равнодушие мужа она отвечала той же монетой. Однако в построениях мемуаристки нетрудно увидеть явные нестыковки. Как согласовать утверждение Екатерины о полнейшем безразличии к ней ее супруга с тем, что он целовал письмо отца невесты, когда тот дал согласие на брак дочери, или с ее более ранним свидетельством о том, что она настолько понравилась Петру, что он не мог даже заснуть и говорил, что не хочет никого, кроме нее⁴⁷.

В первой редакции асексуальность Петра выводится из его ребячества, проявлением чего были его детские военные игры. Но тогда откуда мог взяться интерес этого юноши «ко всяким другим», к которым он проявлял больше внимания, чем к жене, например к молоденьким фрейлинам? Очевидно, Екатерина пишет заведомую неправду. Ей необходимо убедить читателя: она абсолютно невиновна в том, что их семейная жизнь не задалась, виноват только Петр.

Екатерина назвала еще одну причину, по которой в их семейной жизни образовалась трещина. Отто Брюммер, воспитатель Петра, вызвал Екатерину в Россию, она была ему благодарна за это. Весной

1746 г. его фавор был на исходе, и Брюммер просил у своей протекже поддерживать его акции в глазах императрицы. Петр ненавидел своего воспитателя «от всего сердца» и не любил, когда его жена вела с Брюммером «слишком заметные беседы» («il n' aimait pas meme que j' eusse avec lui des entretins trop marqués») ⁴⁸.

В «Автобиографической записке» отношения Екатерины с Брюммером представлены более драматично: они явились яблоком раздора для молодоженов. Согласно «Автобиографической записке», Петру нашептывали, что его жена любит Брюммера. Петр стал его ненавидеть. Елизавета Петровна хотела вменить в преступление Екатерине ее привязанность к шведскому королю, с которым поссорили великого князя. Но Петр не стал из-за этого хуже обращаться с женой. Тогда императрица сама заговорила с племянником о его жене. Петра убедили заставить жену отказаться от дружбы с Брюммером. Петр очень грубо заговорил об этом с женой и пересказал ей речи тетушки. Возмущенная Екатерина возразила мужу, что никакая сила не заставить ее пренебречь обязательствами, которые она имела перед этим человеком. Он был ей настоящим другом. Ни интриги, ни недовольство не заставят ее поступиться чувством чести. Петр придирался к супруге, но ее твердость от этого только увеличивалась ⁴⁹.

Как видим, причина разлада политическая, а негодование великого князя отнюдь не свидетельствует о равнодушии Петра к супруге, скорее наоборот, речь идет о ревности.

Во время болезни Петра зимой и весной 1746 г. Екатерина интересовалась состоянием его здоровья в силу природной отзывчивости. Но она была очень застенчива и сдержанна по отношению к нему («J'avais beacoup de timidité et de retenu vis-à-vis de lui»), впрочем, как и по отношению к Елизавете. Екатерине казалось, что муж, так же как и императрица, намерен напасть на нее («tomber sur le corps») ⁵⁰.

Для того чтобы показать различие характеров («à développer les caractères»), Екатерина поместила в текст такой анекдот. Елизавета часто обедала со своими конфидентами («ses plus intimes confidens») ⁵¹ в комнате, которая примыкала к покоям великого князя. Петру пришла в голову фантазия посмотреть, что происходит в этой комнате. Он сделал дырки в двери, но не удовольствовался тем, что смотрел сам. Петр хотел, чтобы все, кто его окружал, пользовались этими дырками («jouit de cette vue»). Супруга предупреждала его, что это принесет ему неприятности. Однажды Екатерина (благодаря своей уступчивости) была вовлечена в это действие, но более не желала повторять

этого. Муж лишь усмехнулся ее словам и призывал подсматривать даже камер-фрау М. Крузе (она увидела там графа Разумовского в домашнем халате). Этот эпизод, следов которого нет в «Автобиографической записке», был призван проиллюстрировать тезис о детской наивности мужа. Его действия подаются как неумная шалость ребенка. Весь анекдот должен был еще раз подчеркнуть, насколько Екатерина, в сущности тоже еще ребенок, была «выше» в своем развитии, чем ее супруг.

Далее рассказывается, как императрица отругала Петра за его нелепую выходку, но его жене не сказала ни слова. Императрица знала, что Екатерина отговаривала мужа совершать этот поступок. Из этой сцены читатель должен был заключить, что гнев Елизаветы, обрушившийся позже на великокняжескую чету, часто труднообъяснимый, был вызван дурачествами великого князя, не способного вести себя подобно взрослому. Именно потому, что Петр вел себя как ребенок и в качестве супруга, все «шишки» за несчастливую семейную жизнь сыпались на голову «несчастной» Екатерины. Ее обвинили в том, что она любит «другого» хотя имя этого «другого» старались не произносить.

Камер-юнкеру П.А. Девьеру императрица приказала следить за великокняжеской четой и тайно надзирать за поведением камер-лакея А.П. Чернышева, который был любимцем великого князя. В мае 1746 г. Дивьер стал свидетелем того, как Екатерина разговаривала 4–5 минут через полуоткрытую дверь своей комнаты с Андреем Чернышевым. На следующий день А. Чернышев вместе со своим двоюродными братьями, служившими при Малом дворе скороходами, был удален в Оренбург. День спустя в обер-гофмейстерины Екатерине назначили «самую злую и самую капризную женщину из всего двора» М.С. Чоглокову. При первой встрече она передала великой княгине «комплимент» императрицы: «Вы очень упрямы». Что именно имела в виду Елизавета, девушка отгадать не могла. А на следующий день к ней пожаловала сама императрица. Она обвинила мать Екатерины в том, что та ввела ее в заблуждение, когда утверждала, что ее дочь выходит замуж «по склонности» («par inclination»). Елизавета Петровна прямо заявила, что она «отлично знает»: ее невестка любит «другого» («un autre») ⁵², но его имя не назвала. Об этом было сообщено великому князю. Екатерина хотела увидеть его реакцию: Петр, казалось, обиделся. Крузе сообщила ему, что Екатерина любит Петра Чернышева. Мемуаристка поклялась мужу, что это не так. Она была чрезвычайно

удивлена, что заподозрили Петра Чернышева, с которым она едва даже говорила, а не его двоюродного брата Андрея — признанного любимца великокняжеской четы. Именно его Петр постоянно посылал к жене, она всегда видела этого лакея в апартаментах мужа, где говорила с ним и они шутили. Екатерина была привязана («*affection-pais*») к нему, а еще в большей степени — сам Петр. Он был особенно дорог молодым супругам тем, что напаивал Крузе, и они могли скакать и прыгать («*sauter et gambader*»)⁵³ сколько угодно.

Анализируя, мемуаристка пришла к любопытному выводу, в справедливости которого она не сомневалась. Вся эта странная история разыгралась потому, что «в то время очень были заняты тем, чтобы поссорить меня с великим князем»⁵⁴ («*l'on était fort occupé alors à brouiller le Gr. Duc et moi*»)⁵⁵. Подтверждение этому Екатерина видела в том, что через некоторое время Дивьер, который следил за ними, без видимой цели однажды заявил, что он заметил склонность великого князя к девице Карр, фрейлине императрицы, а в другой раз поведал ей о его симпатии к девице Татищевой.

Мемуаристка старается убедить читателя в том, что полная асексуальность Петра явилась главной причиной семейного разлада. Но сумасбродная императрица виновницей этого объявила Екатерину. Девушка в целях самосохранения запретила себе любить мужа, а ее огульно обвинили в том, что она влюблена в другого. В результате выдуманного обвинения, в основании которого было неестественное поведение Петра, Екатерина подверглась притеснениям: ей запретили посещать уборную императрицы, и обращаться к Елизавете теперь она должна была не напрямую, а только через Чоглокову. Нелепость августейшего поведения заключалась еще и в том, что императрица ставила перед собой цель поссорить супругов, тогда как, напротив, нужно было укреплять их союз. Зачем императрица это делала, в первой редакции объяснение не дается. Видимо, читатель, уже насыщенный о взбалмошных капризах Елизаветы, не должен был удивляться отсутствию логики в действиях императрицы.

Однако в таком построении мемуаристики были слабые места. Чтобы выстроить такую схему событий, ей пришлось пойти на некоторые отступления от образа совершенно равнодушного к ней Петра, который до этого она старательно создавала. Не может не вызвать удивления то, как Петр, смутившись от вопроса жены, неожиданно произносит: «Мне хотелось бы, чтобы вы любили меня так, как любите Чернышева» («*Je voudrais que vous m'aimiez autant que vous aimez*

Czernischew»)»⁵⁶. Эта фраза звучит странно в устах человека, который даже не догадывался о необходимости использовать «le language de la tendress» («язык нежности»), не проявлял ни малейшего желания стать любимым своей женой. Не менее неожиданно выглядит и другая реплика великого князя. Когда Петр услышал, что его жена влюблена в Петра Чернышева, великий князь доверительно заметил: «Откровенно скажу вам, что мне трудно было этому поверить и что меня тут сердило, так это то, что вы не доверили мне, что имели склонность к другому, чем я»⁵⁷ («Je vous dirai sincèremment, que j'ai eue dela peine à croire cela et que ce qui me facheait en cela, c'eât que vous ne me'eussiez pas conté que vous aviez de l'inelination un autre que moi»⁵⁸). Такая фраза предполагает иную систему отношений между супругами, нежели та, которая, по словам мемуаристки, у них сложилась. Если Петр считал невероятным то, что его жена не была с ним настолько откровенна, чтобы сказать, что увлечена другим, следовательно, в их семье царили доверие друг к другу и безграничная откровенность. Очевидно, мемуаристка чувствовала, что этот диалог находится в некотором противоречии с тем, что она прежде рисовала черными красками, но отказаться от него не могла. Этот диалог был ей необходим, чтобы подвести читателя к мысли о полной нелепости затеи императрицы. Поэтому реплику супруга она поспешила окрестить «чрезвычайно странной», то есть редкой и необычной («fort singulier»)»⁵⁹.

Но можно ли верить мемуаристке? Ответ дает сравнение описания этого эпизода в первой редакции с сюжетом в «Автобиографической записке». Здесь все рассказано по-другому. Один из камердинеров (подразумевается Андрей Чернышев) часто приносил вино Крузе и выпивал с нею. В это время он выпытывал у Крузе все, что она замышляет против великокняжеской четы, старался выяснить планы императрицы на этот счет, затем сообщал Екатерине. Но поскольку, чтобы не возбудить подозрений, делать это он мог только в комнатах великого князя, Екатерина была вынуждена часто там появляться. Три-четыре раза Крузе застала их во время разговора и, приревновав Чернышева к великой княгине, выдумала историю о том, что жена наследника влюблена в камер-лакея. Поскольку Крузе напивалась каждый вечер и у нее проявлялись приступы благосклонности к своей подопечной, во главе двора великой княгини поставили М.С. Чоглокову. Разгневанная императрица устроила невестке разнос. Она заявила, что ей хорошо известны все «плутовские проделки и хитрости»⁶⁰ Екатерины. Так обычно переводят слова Елизаветы. Но «mes tours fourbs

et mes finesses» имеет более конкретный смысл. Императрице известно о челночных заходах невестки в комнаты мужа, которые делаются вовсе не для того, чтобы увидиться с супругом. Когда Екатерина ходит на половину мужа, то она делает это из-за его камердинеров. Именно она виновата в том, что ее брак все еще не завершен («mon mariage n'était pas encore consommé»⁶¹). Причем «consommé» может означать в этом контексте и потерю девственности, и рождение ребенка. Императрица заявила, что если Екатерина не любит великого князя, то Елизавета не виновата в этом, ибо она не выдавала ее замуж против воли.

Однако, помимо сексуально-лирического подтекста этой эскапеды, в обвинениях Елизаветы явственно звучали политические нотки. Государыня обвиняла невестку в том, что она действует согласно инструкциям своей матери и изменяет ей, российской императрице, ради прусского короля. Елизавету настраивал против невестки главный недоброжелатель Екатерины — канцлер А.П. Бестужев. Именно он обвинял великую княгиню в симпатиях к Швеции и Пруссии. Понятны становятся и «санкции» против Екатерины: запрет писать родителям, посещать уборную императрицы, приказание обращаться к Елизавете только через посредство Чоглоковой, стремление обергофмейстерины пресечь все контакты жены Петра с придворными, попытки полностью ее изолировать⁶². По наветам Бестужева Елизавета постоянно ссорила Екатерину с Петром, так что вновь поставленному во главе двора великому князю В.Н. Репнину приходилось мирить супругов.

Эпизод с разносом Екатерина в «Автобиографической записке» объяснила следующим образом: «Вся эта сцена была только для того, чтобы запугать или держать меня в страхе»⁶³ («Tout cette scène n'était que pour me faire ou tenir en peur»)⁶⁴.

На самом деле Екатерина прекрасно знала, за что ее преследовали. Ни о какой «любви» к камер-лакею речь не шла. Когда Петра Чернышева допрашивали в Тайной канцелярии, ни одного вопроса на амурную тему ему не было задано. В следственных материалах нет ни малейшего намека на то, что кто-либо подозревал великую княгиню в симпатиях к красивому слуге. Братья Чернышевы были высланы, потому что камер-лакей Андрей нарушил строжайший запрет императрицы передавать конфиденциальные сведения Малому двору. Екатерина и А. Чернышев были пойманы с поличным и подверглись репрессиям. Чернышева с двоюродными братьями выслали из столи-

цы, а Екатерине запретили писать родителям и посещать убожную Елизаветы. Странная «кара» за «амур» с лакеем, но вполне оправданное наказание за сбор секретной информации⁶⁵.

Как мы видели, в «Автобиографической записке» не упоминаются детские военные игры Петра, а сам он «страстно любит» Екатерину, ни слова не говорится об инфантилизме мужа. Поэтому конфликт в императорском семействе нельзя объяснить так, как это делается в первой редакции мемуаров, — что великий князь отставал в своем развитии. Это вовсе не значит, что «Автобиографической записке» можно больше верить, нежели первой редакции мемуаров. Однако при анализе образа Петра следует столь же мало доверять и автору первой редакции, изобразившему великого князя асексуальным мальчиком, ребячество которого повлекло за собой притеснения Малого двора и прежде всего Екатерины. Необходимо иметь в виду, что созданный коварным пером мемуаристки образ неразвившегося мальчика представляет собой смыслообразующий стержень, вокруг которого выстроены сюжетные коллизии этого текста. Но к реальному Петру Федоровичу этот образ не имеет отношения. На протяжении всего текста первой редакции Екатерина развивает главную мысль: ребячество Петра, его игра в военные действия являлись оборотной стороной ее страданий.

Летом 1746 г. в Петергофе «великий князь снова свел в полк всех своих кавалеров и лакеев и устроил под окнами кордегардию, полутайком, полуткрыто»⁶⁶ («Le Gr. Duc de nouveau enregimeta tous ses cavalier et ses valets de chambre, et établit sous ses fenêtres un corps de garde, moitié furtif, moitié publique»⁶⁷). Когда Елизавета разрешила ему поехать в Ораниенбаум, «как только он там очутился — все стало военным; он с кавалерами весь день проводил в кордегардии или в других военных упражнениях». Екатерина же была вынуждена скучать в одиночестве⁶⁸, жизнь ее «стала невыносимой». Ей приходилось вести «ненавистный образ жизни». Романы разжигали ее воображение. Но она и без этого была достаточно жива («assés vive»), и эта живость («vivacité») усиливалась из-за ненавистной жизни, которую ее заставляли вести. Она постоянно была представлена сама себе, скуке и подозрениям, которые ее окружали. Врач, лечивший Екатерину от головных болей и бессонницы, был осведомлен о той жизни, которую ее заставляли вести, и об обстоятельствах ее отношения к мужу⁶⁹ («les circumstance dans les quellles je me trouvais tant vis-à-vis mon époux»)⁷⁰.

К отрицательным чертам своего мужа Екатерина относилась то, что он был «крайне болтлив»⁷¹ («d'une indiscretion extreme»)⁷². Поэтому от него приходилось скрывать все, что могло повредить великокняжеской чете⁷³. В этом смысле Екатерина представляла собой полную противоположность мужу. Еще хуже выглядело то, что, когда Екатерину бранили, Петр покидал ее или часто сам начинал бранить⁷⁴.

Екатерина обстоятельно описала, как изменился Малый двор после того, как во главе его Елизавета поставила Н.Н. Чоглокова. Режим содержания Петра Федоровича ужесточился. От наследника удаляли преданных ему людей из обслуживающего персонала: некоторых отсылали в Голштинию, а иных заключали в крепость. Мемуаристка утверждала, что якобы не знает истинную причину этих «репрессий», но полагает, что она заключалась в «болтливости» или «легкомыслии в речах» великого князя⁷⁵ («ce furent ses indiscretion-là ou quelques propos inconsidérés pareils»⁷⁶). По словам Екатерины, ее муж «был труслив сердцем и слаб головою, вместе с тем он обладал пронизательностью, но вовсе не рассудительностью; он был очень скрытен, когда, по его мнению, это было нужно, и вместе с тем чрезвычайно болтлив, до того, что если он брался смолчать на словах, то можно было быть уверенным, что он выдаст это жестом, выражением лица, видом или косвенно»⁷⁷.

Иными словами, Петр (благодаря своим личным качествам) был сам во всем виноват. Но не только он страдал от этого, но и заставлял страдать жену, даже не подозревая, что является источником мучений супруги. Будучи разлучен со всеми, кого подозревали в привязанности к нему, Петр не имел рядом никого, кто мог бы облегчить его печаль, поэтому он обращался к жене: с ней он мог быть вполне откровенным, она понимала тяжесть его положения. Петр вызывал у Екатерины жалость. Но Петр сильно злоупотреблял ее состраданием. Во время его посещений она очень уставала, потому что в течение нескольких часов он ходил с ней по комнатам, ни разу не присев. Помимо усталости, Петр вызывал у нее скуку. Он говорил с ней «о подробностях по военной части» («de details militaires»)⁷⁸. Что же касается Екатерины, то она не давала ему возможности заметить, что изнемогала от скуки и усталости. Она знала, что в то время это было для него единственным развлечением («l'unique amusement»)⁷⁹. Но он об этом даже не догадывался⁸⁰. То есть он развлекался, а она из милосердия терпела!

Подлинной причиной этих репрессий было создание при Малом дворе так называемого «полка его высочества», «комнатной» гвардии

Петра III. Дело в том, что в покоях великого князя было создано особое подразделение, члены которого обучали Петра военным приемам. Причем в созданном подразделении великий князь не был командиром. Он не учил, а учился военному ремеслу. Этот «полк», составленный из комнатных служителей, носил особые мундиры с офицерскими знаками, имел военную амуницию. Следствие, которое велось по поводу «комнатной гвардии» Петра III в Тайной канцелярии в 1746–1747 гг.⁸¹, а потом было возобновлено в 1754–1755 гг., выявило ряд поразительных фактов. Закупка военного снаряжения — саблей, ружей, касок, гренадерских шапок, супервестов — и пошив особых мундиров со специфическими знаками различий требовали денежных средств. Следствие столкнулось с любопытнейшим фактом: деньги на вооружение брались в долг у С.Г. Строганова, а посредником в этой операции выступала великая княгиня Екатерина⁸². Очевидно, военные экзерциции мужа она считала полезными, по всей видимости, они не только поощрялись ею, но она сама по мере возможности принимала в них участие. Не любя охоту, Екатерина постоянно стреляла в уток и упражнялась в верховой езде (ездил по-мужски, в мужском костюме, на мужском седле). Созданная полулегально, собственная военная единица наследника могла бы быть успешно использована либо для охраны великого князя, либо для каких-либо наступательных действий. И Петр, и Екатерина понимали, что для сохранения великого князя в качестве наследника необходимо располагать хотя бы минимумом военной силы. Без нее не обойтись в том случае, если Елизавета или ее окружение захотят переменить престолонаследие в пользу другого претендента. Военная страсть Петра поощрялась Екатериной, которая понимала значение военной силы, особенно если наследственные права пришлось бы защищать или отстаивать с оружием в руках. В этом она не хотела признаваться, когда писала свои мемуары, и открещивалась от «комнатной гвардии», представляя мужа нелепым солдафоном и подчеркивая различия их характеров⁸³.

Мемуаристка старается как можно ярче продемонстрировать это различие. Она любила чтение, как и Петр. Но он читал рассказы о разбойниках на больших дорогах или романы, которые были не в ее вкусе. Затем следует кардинальный вывод: «Никогда умы не были менее сходны, чем наши; не было ничего общего между нашими вкусами, и наш образ мыслей, и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни в чем не были согласны, если бы я часто не прибегала к уступчивости, чтобы его не задевать прямо». Однако в отдель-

ные моменты Петр слушался свою жену, как правило, когда он находился в отчаянии (что было довольно часто, потому что Петр был труслив и не очень умен⁸⁴).

Приговор суровый и несправедливый. Сохранился каталог библиотеки Петра Федоровича, который свидетельствует, что круг чтения великого князя был совершенно иной, его читательские интересы были значительно шире⁸⁵. Мемуаристка намеренно свела их к рассказам о разбойниках и дешевым романам, чтобы показать умственное убожество своего мужа. Это давало возможность поставить себя значительно выше его и подчеркнуть свою непричастность ко всему, что он делал. Между тем откровенные беседы, которые Петр вел с Екатериной весной 1747 г., имели место именно в то время, когда в Тайной экспедиции допрашивали и пытали людей из ближайшего окружения великого князя, в том числе Андрея Чернышева, контакты которого с великой княгиней повлекли за собой высылку, а потом и арест слуг Петра, принимавших участие в деятельности его «комнатной гвардии»⁸⁶. Поскольку их расспрашивали о тех военных занятиях, которые с таким сарказмом впоследствии описала мемуаристка, то «милитаристские» беседы мужа не могли не касаться и положения жены. Но именно это обстоятельство тщетно пыталась скрыть мемуаристка, всеми правдами и неправдами дистанцируюсь от них.

Весной 1747 г., когда двор переехал в Летний дворец, «я все более и более старалась сохранить расположение и доверие, — пишет Екатерина, — которые оказывал мне великий князь, и когда он не бывал в моей комнате, я шла к нему со своей книгой и читала в то время, как он пиликал на скрипке»⁸⁷ («je cultivais de plus en plus l'affection et la confiance que le Grand Duc me marquait, et loresqu'il n'étais point dans ma chambre, j'alais dans la sienne avec mon livre et le lisais tandiqus qu'il raclait du violon»)⁸⁸. Более того, Екатерина, чтобы сохранить доверие мужа, позволяла ему предаваться любимому занятию.

После назначения Н.Н. Чоглокова милость Крузе по отношению к великокняжеской чете увеличилась: «Она доставляла великому князю, — писала Екатерина, — столько детских игрушек, сколько ему было угодно; он их любил до безумия» («Des jouets d'enfans tant qu'il voulut; il les aimait à la folie»). Но так как он не посмел бы воспользоваться ими в своей комнате, не подвергаясь расспросам Чоглокова, великий князь был принужден играть в куклы лишь в постели («ne joue avec ses poupees qu'au lit»). «Отужинав, он раздевался и приходил в мою комнату, ложился; я вынуждена была делать то же самое, чтобы

мои горничные удалялись и чтобы можно было запереть двери; тогда Крузе, которая спала рядом с моей комнатой, приносила ему столько кукол и игрушек («tant de poupées et jouets»), что вся постель ими была покрыта. Я позволяла им делать это, однако иногда меня немного бранили за то, что я не проявляла достаточного интереса к этой приятной забаве («Je les laissais faire, cependant quelquefois j'étais un peu grondé de ce que je ne prenais pas assez d'intérêt à cet agreeable amusement»⁸⁹), которая охотно продолжалась с десяти часов до полуночи или до часу»⁹⁰. Чтобы правильно оценить эту сцену, надо иметь в виду, что именно мемуаристка называет их «игрушками». По свидетельству одного из наставников великого князя Я. Штелина, «игрушки» — это оловянные солдаты и манекены⁹¹.

По словам Екатерины, она делала это чтобы смягчить огорчения мужа, вызванные удалением от него близких ему людей: вначале любимца А. Чернышева, потом любимых камердинеров и лакеев, затем членов Малого двора П. Дивьера и А. Вильбоа, преступления которых заключались лишь в том, что они были заподозрены в преданности великому князю и его жене.

Примечательно, что военные экзерциции также подаются как ребячество: «agreeable amusement», то есть приятное развлечение, игра в «poupées et jouets», в куклы, забавы с игрушками. Степень самопожертвования Екатерины такова, что она не только позволяет играть в своей спальне, но и сама принимает участие в играх. Показательно и указание на кровать как место действия, где разворачиваются «военные игры», и на время — до часу ночи (вместо того чтобы avoir «en ensamble le language de la tendresse»). Однако, несмотря на саркастический подтекст описанной сцены, она не оставляет сомнений в том, что Екатерина позволяла производить военные упражнения мужа в собственной комнате и не только не препятствовала им (а ведь они разрушали ее семейное счастье), но и сама принимала в них участие⁹².

Ее «самопожертвование» дошло до того, что она, чтобы не потерять расположения мужа, позволила заменить собой тех «военных» из великокняжеской обслуги, которые были изгнаны из Малого двора. Когда летом 1747 г. двор переехал в Петергоф, великий князь не смел больше составлять полки из окружавших его людей («enrégementier son monde»). Он забавлялся тем, что обучал Екатерину военным упражнениям («il s'amusa... à m'apprendre l'exercice militaire»). Благодаря его заботам мемуаристка, даже когда составляла свои «Записки», могла исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного грена-

дера. Он также ставил жену в караул на несколько часов с мушкетом на плече возле двери между своей и ее комнатами. Когда он позволял («il m''était permis»)⁹³ ей покинуть пост, она предавалась чтению.

Вновь военное обучение подается как забава, своеобразное развлечение великого князя — «il s'amusa». Подчеркивается и семейная иерархия: он ставил в караул («il me mettait»), снимал с караула («il m''était permis»). Муж командует, жена подчиняется. Но подчеркивается, что она делает это вопреки своим желаниям. Супруги противопоставляются: он забавляется детским солдафонством, она читает серьезные книги (письма госпожи Севинье, произведения Вольтера).

Куклы и игрушки, с которыми самозабвенно развлекался великий князь, повлекли за собой новые притеснения, которые выглядели так же нелепо, как и предыдущие. По возвращении в город летом 1747 г. игра Петра и Крузе в постели Екатерины возобновилась. В один из дней, когда игра была в самом разгаре, в дверь, закрытую на ключ, постучала Чоглокова. Крузе дрожала от страха («l'article des jouets»). Крузе пошла к двери, а Екатерина с мужем стали прятать игрушки под одеяло. Поймать с поличным играющих Чоглоковой не удалось. По всей видимости, Чоглокова что-то узнала об игрушках («elle avait eu vent des jouets») и искала подтверждения, но не нашла. Тем не менее несколько дней спустя один из камер-интендантов («maître d'hôtel») Крамер, большой друг Крузе, блюда которого нравились великому князю, был удален из двора без видимой причины («sans rimes ni raison»)⁹⁴. Это очень огорчило Петра и Екатерину⁹⁵. Заметим, в этой ситуации Екатерина вновь спасает мужа, но страдает из-за его ребячества. В силу сложившихся обстоятельств оба супруга стали неразлучными («étion devenu inseparable par necessité»). На самом же деле Крамер был удален потому, что следствие по поводу «комнатной гвардии» установило, что этот камер-интендант Петра отвечал за обмундирование неформальной военной единицы великого князя.

Екатерине казалось, что императрица вечно была ею недовольна («Il me semblaît qu'elle me boudait toujours»⁹⁶). Великая княгиня старалась соблюдать уважение и должное повиновение Ее Величеству во всем, что касалось лично ее («en mon particulier»). Великий князь был менее сговорчив («eu peu moins traitable»), хотя тогда он был еще послушен, но делал это нехотя. «Его ребячество и болтливость» («ses enfances et ses indiscretions») причиняли ему много вреда и лишали его уважения людей. Екатерина осмелилась откровенно поговорить об этом с мужем. Но Петру это не понравилось. Он заявил, что ему

не нужны ее наставления, как и наставления других. Может быть, она неудачно высказалась («*aussi grandes verité*») ⁹⁷, но ему вбили в голову, что жене не может управлять мужем. Петр прислушивался к ее советам только в случае крайне необходимости или когда находился в беде.

Другими словами, как бы ни старалась мемуаристка отвлечь беды, которые на них обрушились, все было бесполезно. Если бы все зависело только от нее, дела пошли бы по-другому. Будь она на его месте, с ней бы не позволили обращаться, как с ним. С одной стороны, она научилась бы не давать поводов для этого, с другой — отвечала бы с большей последовательностью и твердостью, нежели он ⁹⁸.

Получается, что во всем виноват Петр: он не гибок, не уступчив и в то же время мягкотел. К портрету мужа, и без того отталкивающему, Екатерина добавила еще одну негативную черту — вульгарные манеры. По словам мемуаристки, постоянно вращаясь в обществе лакеев и не имея лучшей компании, Петр привык к грубым и пошлым выражениям. В хорошем обществе, даже если такие выражения употребляли в шутку, они считались бы грубыми ругательствами. Во время обеда в Царском Селе в присутствии свиты императрицы Петр в шутку назвал генерала А.Б. Бутурлина «сукиным сыном». Екатерина покраснела от стыда. Она понимала, что эта грубая выходка вызовет пересуды при дворе. Бутурлин пожаловался Елизавете. Императрица приказала придворным больше не ходить обедать к великому князю, а Петру она заявила, что он не умеет себя вести и поэтому они не будут к нему ходить. Хотя и Екатерине, и Петру нравилось принимать у себя свиту императрицы. «Великий князь от радости все испортил» ⁹⁹ («*Le Grand Duc trop de gaité gâta tout*» ¹⁰⁰). Вывод мемуаристки состоял в следующем: Петр должен был в большей степени вызывать жалость, а не злопамятство. Это был легкомысленный поступок молодого человека, опьяневшего от радости. Человека, вынужденного обретаться в дурной компании, в которой его тетушка и ее приспешники держали его взаперти ¹⁰¹.

Нелепым ребячеством выглядели и его ухаживания за другими женщинами. Весной 1749 г. в подмосковном Покровском Петр и Екатерина обедали у императрицы. За столом находилась и вдова камергера И.А. Долгорукова, фаворита Петра II. Во время обеда великий князь напился, а после завел пьяные разговоры с Н.Б. Долгоруковой. Он не называл ее иначе, как прекрасная вдова («*la belle veuve*»), увидался около нее и ухаживал за ней. Эта привязанность продолжалась в течение всего пребывания в Москве, но она не шла далее взглядов

и речей. Вдова «обращалась с ним как с ребенком» («elle le traitait en enfant») ¹⁰². Кроме нелепых детских амуров, Петр тогда же оскандалился: опьянел настолько, что его качало из стороны в сторону, а вокруг огромная толпа смотрела на это. Екатерина ехала в карете. Ей было стыдно за мужа, но она была не в состоянии исправить ситуацию ¹⁰³.

И вновь противопоставление. У Петра роль ведомого, Екатерина — заботливая нянька этого мальчишки. Она старается вести его по верному пути; когда она не может вмешаться или повлиять на него, Петр постоянно попадает впросак. В конце июня 1749 г. в Троицком монастыре в Петров день Петр решил развлечься («se divertir») ¹⁰⁴. Он устроил бал, но поскольку не было ни танцоров, ни музыкантов, он сам играл на скрипке, а горничные Екатерины и лакеи Петра танцевали. Этот бал крайне утомил Екатерину, она взяла в руки книгу и стала читать в уголке. Петр был навеселе, поэтому он не стал ей мешать, в противном случае, ей было бы не избежать брани ¹⁰⁵. Пьяный бездельник развлекается с лакеями, для нее же такое времяпрепровождение неприемлемо, она предпочитает интеллектуальные занятия. Праздный же Петр ругал бы ее за такой выбор, если бы не был навеселе. Не маловажно, что это пьяное веселье происходит в монастыре, да еще в день св. апостолов Петра и Павла. Так что уклонение Екатерины от участия в этом непотребстве это поступок христианский.

В сентябре 1749 г. во время обеда в Тайницком фельдмаршал А.Б. Бутурлин напоил великого князя до такой степени, что вино вызвало у него судороги, гримасы и кривляния («toutes sortes de contorsions, degrimaces et de simagrées») ¹⁰⁶, столь же смешные, сколь и неприятные. Это не нравилось императрице. Поскольку тогда Екатерина принимала искреннее участие во всем, что касалось ее мужа, слезы хлынули из ее глаз из-за непристойности, с которой он вел себя за столом. Сидевшая рядом с Екатериной М.Е. Шувалова, оценившая по достоинству поведение жены Петра, обратила внимание императрицы на это обстоятельство. Елизавета быстро встала из-за стола, а Петр отправился на охоту, несмотря на то что был пьян ¹⁰⁷. Акценты, здесь расставлены, как и прежде: Петр куролесит, Екатерина из-за выходок мужа страдает, рада бы помочь ему, но не может.

К отрицательным чертам образа Петра следует также отнести и то, что великий князь постоянно дулся на жену. В качестве примера межуаристка приводит такой факт. Екатерина в разговоре с фавориткой императрицы М.Е. Шуваловой признала, что великокняжеской чете

было известно о болезни Елизаветы. В конечном счете Екатерина предстала в выигрышном свете перед царицей в связи с тем, что беспокоилась о ее здоровье. Но когда Петр узнал об этом, он стал бранить жену и дулся на нее несколько дней. Впрочем, это была обычная манера его поведения: он дулся из-за всякого пустяка («chose à laquelle il tait naturellement fort encline et qu'il pratiquait toujours pour la moindre bagatelle»¹⁰⁸).

Создается впечатление, что каждый эпизод, рассказанный мемуаристкой, вводится в текст только для того, чтобы показать еще одну негативную черту Петра и с ее помощью обличить великого князя. Неприглядно выглядит Петр Федорович в описании игры с женой в ломбер. Эта игра не приносила Екатерине удовольствия, потому что она всегда оказывалась перед выбором: или проиграть, или быть обруганной. Она играла лучше, чем Петр, более осторожно. Но иногда ей приходилось проигрывать, чтобы избежать ругательств, которыми сопровождался каждый ее выигрыш¹⁰⁹.

Петр подается как жертва деспотичной и недалекой императрицы. Но и сам он недалеко ушел от своей тетушки. В конце июня 1748 г. Петр устроил встряску жене за то, что она заснула на канаве после обеда. Он считал большим преступлением «спать после обеда или поздно вставать». Петр терпеть не мог этот придворный обычай, введенный ленью, праздностью и безделием. Хотя сам великий князь после обеда не спал, но пребывал в безделье в течение целого дня¹¹⁰. Иначе говоря, супруг Екатерины был лицемерен и бездеятелен. Возникает вопрос: можно ли назвать праздным человека, который самозабвенно муштрует своих «солдат»? Можно, в том случае, если в этой «муштре» не видеть ничего серьезного, рассматривать это занятие как пустое развлечение.

Описание того, как Петр бранил жену («il me gronda d'impotence»)¹¹¹, понадобилось мемуаристке для того, чтобы осудить супруга устами императрицы. Когда Елизавета увидела красные от слез глаза невестки и узнала, в чем дело, она вынесла вердикт: «Великий князь упрям и капризен» («Grand Duc était entêté et capricieux»)¹¹².

Между делом сообщается, что во время религиозных праздников, которые требовали ночного бдения и присутствия в церкви, «великий князь обыкновенно прикидывался, что ему именно в этот день нездоровится»¹¹³ («Le Gr. Duc feignait ordinairement une indisposition ce jour-là»¹¹⁴). Удручающее впечатление производит эпизод, в котором рассказывается, как Петр нарушал посты. Малому двору в этот период

разрешали есть только грибы и рыбу. У Петра же всегда был хороший аппетит, он чувствовал себя очень голодным, хотя с помощью лакеев в течение всего поста тайком ел мясо. При этом лакеи, принося мясо в кармане, сильно рисковали¹¹⁵. Разумеется, его супруга вела себя как истинна христианка, то есть противоположным образом: и посты соблюдала, и церковь посещала. Нередко рисковала своим здоровьем, чтобы соблюсти все формальности, предписанные религиозным ритуалом.

Но этот «деспот в быту» был еще более опасен, когда дело касалось Отечества и веры. Летом 1748 г. Крузе сменила П.Н. Владиславова. Петр сожалел об этом больше, чем Екатерина, потому что камер-фрау доставляла ему игрушки. К Владиславовой великий князь питал предубеждение, прежде всего потому, что она была русской, в то время как Крузе происходила из Голштинии. Так вводится одно из главных обвинений против Петра: он был русофобом. По словам мемуаристки, ее супруг питал необычную страсть («*passion extraordinaire*») «к этому клочку земли», Голштинии. Там он родился, но покинул родную землю в возрасте двенадцати-тринадцати лет. Петр постоянно говорил о ней, и его воображение распалялось. Он называл эту страну восхитительной. Поскольку никто из слушавших его не бывал там, он рассказывал о ней небывалые вещи («*des contes à dormir debout*»¹¹⁶) и сердился, когда ему не верили. Страсть к этому клочку земли сделала из него отъявленного лгуна. Екатерина пыталась этому противостоять, как могла, но успеха не имела. Буквально на ее глазах развилась эта постыдная и вредная склонность. Чем старше он становился, тем с большим озлоблением выслушивал противоречия, раздражался. В конце концов его ослепление дошло до такой степени, что в глубине души он убедил себя в том, что его измышления — непререкаемая истина. Кроме того, у Петра была отличная память. Он рассказывал много раз одну и ту же историю, каждый раз точно воспроизводя то, что уже говорил, но добавлял новые эпизоды, которых ранее не было¹¹⁷.

Примечателен эпизод, в котором рассказывается о симпатиях Петра к Е.И. Бирон, принцессе Курляндской. Во время игры в трисет великий князь играл с принцессой, и у него пробудился интерес к этой девушке («*ce jeu lui donna du gout pour elle*»). Главное ее достоинство, в его глазах, заключалось в том, что она ощущала себя дочерью родителей, которые не были русскими («*elle se trouvoit née de parens qui n'était pas Russes*»). С этого времени Петр стал чувствовать сильнее-

шее расположение («une très grand predilection») ко всем иностранцам и питать отвращение («aversion») ко всему, что было русским или стремилось стать таковым («ce qui était russe ou tenait à la russe»). Кроме того, что принцесса была иностранкой, она имела в глазах великого князя еще одну ценность: она охотно говорила по-немецки. Этого было достаточно, чтобы Петр «загорелся» («tout en feu») ¹¹⁸. И это несмотря на то, что принцесса курляндская была некрасива, кривобока и горбата ¹¹⁹.

Следует отметить, что в этом полном неприкрытого сарказма описании мемуаристка употребляет титул Петра «Son Altesse Impériale», то есть «его императорское высочество», рассказывая об отвращении ее мужа ко всему русскому. Употребление этого титула в рассказе о любовной истории должно было заставить задуматься читателя: перед ним будущий российский император — и он ненавидит все русское!

Кроме этого, у Петра была еще одна особенность, неприемлемая для русского православного человека. Петр невзлюбил Владиславу потому, что она была набожной, а он терпеть не мог набожности. «Но его высочество, — формулирует свой приговор Екатерина, — никоим образом не был к ней привязан («mais Son Altesse Impérial n'y étais aucunement attaché»). Напротив, он воображал, что держится лютеранской веры, в которой был воспитан. Но в глубине души не имел никакой» («il ne tenait à rien») ¹²⁰. У него не было никакого понятия ни о догмах христианской церкви, ни о морали. Петр был атеистом, каких мемуаристка в своей жизни никогда не встречала. При этом он боялся черта и Бога, но чаще всего презирал и того, и другого в зависимости от того, представлялся ли к этому случай или его захватывало минутное настроение ¹²¹.

Ярчайшая характеристика! Но к лицу ли она малому дитя, играющему в куклы? Это скорее портрет взрослого человека со сложившимися жизненными максимами, зрелого вольтерьянца. Приведенный фрагмент более характеризует мемуаристку, ее приемы подачи материалы, убеждения читателя. Важнейшие характеристики личности Петра представлены как бы между делом, в рассказе о смене камер-фрау великой княгини. Как бы мимоходом, невзначай — о самом главном. Очевидно, мемуаристка не просто описывала эпизоды своей жизни в хронологической последовательности, а тщательно отыскивала приемы морального уничтожения свергнутого мужа. Но так, чтобы эта цель не была прямолинейно заявлена, чтобы дискредитация выглядела естественно и правдоподобно.

Этот атеист был, оказывается, эгоистом, бездельником. Это особенно ярко проявилось во время их пребывания в Москве зимой 1749 г. Там Петра и Екатерину разместили в покоях, которые представляли собой длинный ряд комнат с общим выходом. Так что ни один из супругов не мог двинуться, не доставив неудобства другому. У мужа Екатерины были только два занятия: одно из них — «пилить на скрипке», другое — дрессировать пуделей для охоты. С семи утра до поздней ночи Екатерина слушала нестройные звуки, которые супруг извлекал с чудовищной силой («avec une force extreme»)¹²² из своей скрипки, либо вой и ужасный скулеж пяти-шести собак, которых он нещадно лупил в оставшееся время. Екатерина была измучена и страдала от той и другой «музыки». И чем же занималась эта несчастная? Она читала серьезные книги. Контраст налицо: муж, упрекающий жену в безделье и предающийся нелепым и жестоким занятиям, и жена, читающая серьезнейшие книги.

Этот «садист» оказался еще и трусом. В Москве Елизавета серьезно заболела. От Петра и Екатерины болезнь императрицы тщательно скрывали, а их самих не выпускали из комнат. «Великий князь в особенности, как всегда трусливый, не знал, какому святому поклониться»¹²³. Жена же являла полную противоположность ему. Она вдохнула в него мужество, просила быть веселым и спокойным. Именно она предложила мужу план действий на случай кончины Елизаветы. Екатерина уверяла, что откроет двери запертому в своих покоях Петру. В крайнем случае он сможет выпрыгнуть в окно. Великая княгиня назвала ему имена военных, на которых он может рассчитывать. Сказанного оказалось достаточно, чтобы Петр успокоился и вернулся к своим собакам и скрипке («le porta à s'en tenir à ses chiens et son violon»)¹²⁴. Откуда у жены наследника, занимавшейся только нарядами, украшениями, танцами, а также чтением серьезных книг, такие связи с офицерами (один из них командует полком, другие служат в лейб-компани)?

В ноябре 1749 г., когда Екатерина лежала в постели с сильной лихорадкой и зубной болью, супруг не желал отказываться от своих любимых развлечений («amusemens don't il n'aurait pas démordu») — скрипки и собак, даже если бы супруга умерла от этого («si meme il avait pu supposer que j'en rétirais»). Когда Екатерина с сильнейшей зубной болью ехала из Москвы в одних санях с мужем, он с трудом согласился на то, чтобы жена опустила перед собой маленькую тонкую занавеску из тафты, которая защищала ее от порывов ветра: Петр

не выносил, чтобы закрывали сани («il ne suuffrait point quelques tems qu'il fit qu'on covrit ce traîneau») ¹²⁵. Екатерина в трагических тонах описала последствия этой поездки, закончившейся операцией по удалению зуба. Даже Елизавета прослезилась при виде страданий невестки. Но Петр, когда жене стало легче, после того как ей удалили кусок челюстной кости, на первой же прогулке «и не подумал даже закрыть сани, хотя было очень холодно» («mais jamais le Grand Duc ne pensa pas meme à fermer son traîneau») ¹²⁶.

Однако когда читаешь новеллу о вырванном зубе, невольно закрадывается подозрение: не для того ли здесь описаны душераздирающие подробности, чтобы вызвать у читателя жалость и дать ему почувствовать всю глубину низости мужа Екатерины. Между тем весь этот horror — не что иное, как выдумка. Даже в старости у Екатерины были целы все зубы. Правда, «одного верхнего зуба не доставало» ¹²⁷, как засвидетельствовал ее кабинет-секретарь А.М. Грибовский. Однако из описания мемуаристки нетрудно заключить, что хирург Гюйон удалил ей нижний зуб. И в «Записках» Екатерины есть подтверждение тому, что был удален именно нижний зуб. Мемуаристка пишет, что после прогулки по городу в открытых санях она почти месяц не могла выйти из своей комнаты, «ибо правая челюсть и подбородок внизу совершенно посинели» ¹²⁸ («car la mâchoire droite et le bas du menton m'étaient bleus et mertrris») ¹²⁹.

Совершенно возмутителен эпизод, в котором рассказывается, как супруг «ухаживал» за принцессой Курляндской. В марте 1750 г. во время пребывания двора в Царском Селе Екатерина во время ужина, почувствовав сильную головную боль, вышла из-за стола и отправилась в постель. В этот вечер Петр ухаживал за принцессой Курляндской более обыкновенного. («avait courtisé plus que de coutume») ¹³⁰. Это было замечено Владиславовой. Когда Екатерина собиралась отойти ко сну, Владиславова, видя, что ей нездоровится, приписала недомогание Екатерины ревности к принцессе. Она осуждала Бирон, ругала Петра за дурной вкус, бранила за то, как он поступал с женой. Все это заставило Екатерину расплакаться: она терпеть не могла, когда ее жалели. Екатерина легла в постель и заснула. Явился сильно пьяный великий князь и тоже лег. Первые девять лет брака он нигде не спал, кроме ее постели. Петр знал, что жена болела, но тем не менее разбудил ее, чтобы поговорить о принцессе Курляндской, ее обаянии. Екатерина была раздражена тем, что этот пьяный человек разбудил ее среди ночи для того, чтобы завести малоприятный разговор. Она ска-

зала ему несколько слов, дав почувствовать свое настроение, и сделала вид, что снова заснула. И то и другое его задело, он несколько раз грубо толкнул ее в бок локтем, повернулся спиной и уснул. Екатерина проплакала всю ночь. То ли великий князь все забыл, то ли ему стало стыдно наутро, но он ни сказал об этом ни слова и больше не вспоминал¹³¹.

Вся соль этой сцена была вовсе не в том, что она представляла супруга мемуаристки грубым мужланом, недостойно обращавшимся со своей женой. Пикантность этого ночного действия заключалась в том, что этот отвратительный эпизод имел место в супружеской постели, и читатель должен был почувствовать, что великий князь вовсе не был мужланом, ощутить всю нелепость ситуации, когда молодой муж, вместо того чтобы посвятить себя супруге, начинает рассказывать ей о своих платонических чувствах к другой девушке. Данный эпизод был помещен в текст уже после рассказа мемуаристки о том, как ее обвиняли в том, что у наследника до сих пор нет детей, в то время как виноват в этом был Петр. Теперь была помещена наглядная иллюстрация того, как он проводил ночи с женой. Это описание должно было раскрыть всю безрадостность супружеской жизни мемуаристки.

Мемуаристка пишет, что Петр совершенно не скрывал от нее своего увлечения, однако сказал ей, что это была прекрасная дружба («une belle amitié»)¹³². Екатерина охотно верила этому, потому что знала: дальше нежных взглядов не пойдет «ввиду особенностей названного господина, которые были все те же, хотя прошло уже около пяти лет», как они были женаты¹³³. Объяснение этих «особенностей» мемуаристка отложила на потом и, как всегда, вложила самое главное в уста персонажа второго плана.

Разгневавшись на то, что Екатерина появилась в новом модном платье, Елизавета сорвала свой гнев на невестке. Государыня велела ей передать, чтоб она не смела появляться перед ней в такой одежде и с такой прической. Вместе с тем она поручила Чоглоковой выбрать ее за то, что, будучи замужем четыре года, она до сих пор не имеет детей. Императрица заявила, что вина в этом лежит только на Екатерине («que la faut n'en pouvait être qu'à moi»¹³⁴). Елизавета высказала предположение: видимо, у нее есть какое-то тайное приспособление, о котором не знают, и поэтому она пришлет опытную женщину для того, чтобы осмотреть ее («j'avais quelque difformité de construction secreta qu'on ignorait, et qu'à cet effet elle m'enverrait une sage femme pour

me visiter»¹³⁵). Обычно этот пассаж переводят так: императрица имела в виду скрытый дефект телосложения, о котором никто не знал¹³⁶. Но, видимо, под «difformité de construction secrete qu'on ignorait» следует подразумевать тайное приспособление, позволяющее избегать беременности. Екатерина ответила, что не может противиться воле государыни. Великий князь, бывший невольным свидетелем этого разговора, на этот раз встал на сторону жены. То ли он чувствовал, что вина лежала не на супруге («que le tort n'étais pas de mon côté»¹³⁷), а на нем самом, то ли счел себя оскорбленным, но великий князь резко ответил Чоглоковой относительно детей и осмотра. Пока они ругались, Екатерина рыдала. Когда она обсуждала с Владиславовой все произошедшее, камер-фрау сказала: «Как же вы можете быть виноваты в том, что у вас нет детей, если вы еще девица»¹³⁸. При этом она произнесла фразу, которая, несомненно, является ключевой: «Ее величество должна была бы обвинять в этом своего племянника или себя за то, что женила его слишком молодым» («Sa Majesté devrait s'en prendre à son neveu ou à elle même de l'avoir marié trop jeune»)¹³⁹.

Вся интрига с отсутствием детей вложена в уста постороннего человека, а не декларируется от первого лица. Это делается, чтобы все выглядело убедительно. Однако сомнительно, чтобы Владиславова позволила бы себе осуждать императрицу, заявляя, что ее величество должна была бы обвинять прежде всего себя. Очевидно, чувствуя это, мемуаристка добавила: «Я же много времени спустя узнала, что граф Лесток советовал императрице женить великого князя не ранее, чем ему исполнится 25 лет, но императрица пренебрегла его советом»¹⁴⁰. В чем же заключалась проблема — в медицинских или психологических причинах, мемуаристка не сочла нужным разъяснить. Но она убедила читателя в том, что подозрения императрицы, а может быть, и читающих ее сочинение в том, что она искусственно избегала беременности, были абсолютно беспочвенны. На это раз, как всегда, виноват был великий князь. Из-за него Екатерину едва не подвергли унижительной процедуре. Кстати, мемуаристка ничего не сообщила об осмотре, был он отменен или его все-таки производили. Представляется невероятным, чтобы императрица, желавшая упрочить престолонаследие, досконально не прояснила важнейший для нее вопрос, почему у великокняжеской четы до сих пор нет детей.

Нетрудно заметить, что и в вопросе деторождения распределение вины осуществлено мемуаристкой по той же схеме, которая просматривается на протяжении всего текста «Записок»: она абсолютно

ни при чем, Петр — кругом виноват. Поскольку эта схема трещит по швам там, где ее можно проверить, думается, и в этом случае доверять Екатерине нельзя.

Одним словом, муж Екатерины был несостоятелен как супруг и как политическая фигура. В политике он оставался таким же ребенком, как и в семейной жизни. Петр вел себя как ребенок, когда пытался интриговать. Например, он пожаловался пьяному А.П. Бестужеву на грубое обращение Чоглокова. Бестужев обещал осадить его и отозвался нелестно о Чоглокове. Екатерина объяснила Петру, что если бы Чоглоков узнал о словах Бестужева, то никогда не простил бы ему их. Петр вообразил, что может заслужить дружбу Чоглокова, если расскажет ему об отзыве Бестужева. В итоге Чоглоков и Бестужев окончательно рассорились, Петр же ничего не приобрел от этой ссоры¹⁴¹.

Мимоходом мемуаристка сообщает о непоследовательности Петра, управлявшего Голштинским герцогством. Поначалу он старался расплатиться с долгами Голштинии, понизив оклады чиновников, но его бережливость оказалась кратковременной. Очень быстро отыскали слабую сторону Петра: он велел завербовать отряд драгун, и долги остались. Ребяческая страсть к военным забавам взяла верх над соображениями государственного интереса.

Чтобы убедить в этом читателя Екатерина, поместила в текст такой эпизод. В первую неделю Великого поста 1750 г. Чоглокова предложила великому князю сходить в баню, чего ранее Петр никогда не делал, потому что не переносил жар. Великий князь заявил, что считает этот обычай предрассудком, и категорически отказался. Чоглокова настаивала, ссылаясь на то, что этого хотела Елизавета. Она обвинила наследника в недостатке уважения к императрице и пригрозила, что за это его могут заключить в Петропавловскую крепость. Великий князь задрожал («frémît»)¹⁴² при этих словах и в свою очередь спросил, говорит ли она от своего имени или от имени императрицы. Чоглокова от прямого ответа уклонилась, но предупредила о последствиях, которые может повлечь за собой его неразумное поведение («son conduit inconsidérée»). Императрица уже не раз грозила ему крепостью («Sa Majesté l'avait menacé plus d'une fois déjà de la forteresse»), и у нее были на это основания. Чоглокова напомнила наследнику о том, что случилось с сыном Петра Великого, оттого что он не хотел повиноваться. Тут великий князь сбавил тон и заявил, что он герцог Голштинский и наследник и прибыл в Россию не по своей воле. Он никогда не мог бы поверить, что здесь его подвергнут такому постыдному

обращению. Если императрица была недовольна им, то ей следовало бы просто выслать его на родину. Великий князь задумался, а потом начал плакать. Прежде чем уйти, он обменялся с Чоглоковой ругательствами. Екатерина хранила молчание и, когда к ней обращались, старалась умиротворить обе стороны. Когда великая княгиня осталась одна, она задумалась над словами Чоглоковой и пришла к заключению, что угрозы крепостью исходили от императрицы. Екатерина увидела в них сильнейшее озлобление («une grande animosité») к великому князю. После этого разговора императрица перестала целовать руку великого князя, что являлось признаком того, что он впал в немилость. Екатерина поняла, что заключавшиеся в этом разговоре намеки были брошены с намерением дать почувствовать великому князю, насколько его поведение неразумно («avaient été jetés à dessein pour faire sentir au Grand Duc l'inconséquence de sa conduite»). Несколько раз его пытались отправить в баню, но он проявлял упрямство и каждый раз вспоминал, что его обидели, пригрозив заключить в крепость. Несмотря на отказ императрицы при встрече целовать «его проклятую руку», Петр не связывал угрозу заключения в крепость с чем-либо иным («il n'y attachait point d'autres raisons»), кроме нежелания отправиться в баню. Ему не дали понять другие причины («ne lui en avait-on donné à connaître d'autres»), а он не потрудился отгадать их («et il'eut garde de deviner»).

Екатерина предположила, что угрозы были связаны с «делом егерей» («affaire des chasseurs»). В то время она еще точно не знала завязки («au just le noeud») этого дела. Поэтому мысль о нем лишь промелькнула в ее голове («ne me vint que faiblement dans l'esprit»). Много позже, когда Екатерина уже имела представление, в чем оно состояло, она сопоставила его с тем временем, когда прозвучали угрозы крепостью, и с отказом императрицы целовать руку великому князю. Тогда великая княгиня пришла к заключению, что слова Чоглоковой были связаны именно с этим делом («ses propos s'étaient tenus par analogie à cette affaire»)¹⁴³.

В изложении этого эпизода нетрудно заметить желание мемуаристки показать полное отсутствие проницательности у Петра и стремление подчеркнуть, что проницательна была именно она, располагала меньшими сведениями для умозаключений.

В чем же состояло дело егерей? Осенью 1749 г. Петр пришел в комнату Екатерины. Он был очень подавлен («avec une mine fort costernée»). Екатерина сразу заметила, что он чем-то огорчен. Но поскольку она

не догадывалась, что это могло быть, сделала вид, будто ничего не заметила. Спустя некоторое время Петр решил снять груз, который лежал у него на сердце. Он сообщил, что его егеря, которых он любил, были арестованы и препровождены в Тайную канцелярию. Екатерину это нисколько не тронуло. Но Петр сказал, что опасается, как бы это не имело для него последствий («*que cela ne fut de conséquence pour lui*»). Великая княгиня спросила тогда, как ему пришла в голову эта идея. Петр сознался, что егеря сообщили ему о том, что поручик И. Батурин был ему сильно предан. Батурин говорил с Петром во время охоты и уверил его своей преданности, а также в преданности к нему Бутырского полка. Батурин добавил, что не признает никого своим государем, кроме Петра («*qu'il ne connaissait de maître que lui*»)¹⁴⁴. Имело место еще несколько встреч егерей, великого князя и этого офицера. Петру стало известно, что Батурин тоже арестован. У Екатерины сложилось впечатление, что муж признался лишь наполовину («*le Grand Duc ne me faisait qu'un demi-confiance*»). Ей казалось, что он опасался рассказать ей все, так как боится, что она не одобрит его неосторожность («*son imprudence*»). Хотя Екатерина жалела мужа, потому что он страдал, и старалась утешить, но две-три недели это дело его мучило («*le tracassa beaucoup*»). Но поскольку великому князю ничего не говорили и это дело не имело для него никаких последствий, он мало-помалу забыл о нем.

Спустя несколько лет после воцарения Екатерины материалы дела попали ей в руки. Оно было передано Елизавете для постановки решения, но дело оказалось слишком объемным, поэтому императрица до конца жизни так и не составила верного представления о нем и, наверное, даже не прочла его. «Это дело, быть может, было одним из самых серьезных в ее царствование, хотя оно было затеяно неразумно и неосторожно» («*Cette affaire était peut être une des plus sérieuse de son règne, quoiqu'elle fut tramée inconsidérablement et sans prudence*»). Это был заговор в полном смысле слова («*C'était, puisque il fait trancher le mot, une conspiration dans toutes les forms*»). Батурин убедил сотню солдат своего полка принести клятву великому князю. Он сказал, что на охоте получил согласие великого князя на то, чтобы его возвели на престол («*Il disait avoir obtenu à la chasse le consentement de ce prince de le placer sur le trône*»)¹⁴⁵. Под пыткой Батурин признался в том, что имел контакты с Петром через его егерей. На него донес гренадер, которого он пытался привлечь к заговору. Цель этого предприятия заключалась в том, чтобы «возвести великого князя на престол,

заклучить императрицу в монастырь и перерезать всех, кто... мог сопротивляться его планам»¹⁴⁶. Сопоставляя материалы дела с ужасом, который испытывал великий князь, и с тем, что он тогда говорил, Екатерина не сомневалась: ему все было хорошо известно. Егеря же не захотели или не осмелились дать показания против него. Елизавета, хотя и не знала подробностей дела, потеряла к Петру остаток уважения, который имела до этого. Поэтому она перестала целовать его руку и косвенно выразила свой гнев некоторое время спустя, пригрозив ему крепостью за то, что он не хотел мыться в бане. Упомянув о дальнейшей судьбе Батурина, его заключении, ссылке на Камчатку и побеге в Европу, мемуаристка заключила: «Я должна отдать справедливость истине и рассказывать вещи, как они были на самом деле. Именно с этого времени я стала замечать, как росла в уме великого князя жажда царствовать, ему хотелось этого до смерти. Но он не пытался что-либо сделать, чтобы стать достойным этого»¹⁴⁷ («Depuis cette époque, je vue croire dans l'esprit du grand Duc la soif de régner; il en mouroit d'envie, mais il ne tâchait pas rien de s'en rendre digne»¹⁴⁸).

Итак, Петр представлен как человек, который не только не обладал никакой проницательностью, поскольку не увидел связи между делом Батурина и угрозами заточить его в крепость, но и вовсе не имел качеств политического игрока: позволил втянуть себя в настоящий заговор, который, однако, был организован из рук вон плохо. Он, как мальчишка, испугался, когда заговор был раскрыт, и по-ребячески о нем забыл, когда дело утихло. Его жена Екатерина, во-первых, абсолютно ничего не знала о заговоре (это особо подчеркивается, в том числе с помощью построения рассказа о признаниях Петра), во-вторых, была истинным ангелом-утешителем своего нерадивого мужа. Противопоставление супругов — лейтмотив всего сочинения.

Ключевая для всего текста мемуаров фраза — «il ne tâchait pas rien de s'en rendre digne»: хотя муж Екатерины жаждал царствовать, он никогда не был достоин трона. «Никогда не был достоин трона» — эта фраза могла бы послужить эпиграфом ко всему сочинению Екатерины. «Записки Екатерины II» были составлены как неопровержимое доказательство этого тезиса. Но поскольку мы видели, какие приемы использовались мемуаристкой для того, чтобы выдать это повествование за абсолютную истину, текст Екатерины доказывает лишь ее желание во что бы то ни стало дискредитировать образ Петра, чтобы представить свое воцарение как нечто совершенно неизбежное. Но к реальному образу Петра Федоровича образ, представленный на

страницах «Записок», не имеет никакого отношения. Это становится очевидно, если сопоставить его с образом великого князя на страницах второй редакции записок, созданной двадцать лет спустя. Но это уже особый сюжет.

1. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. // Записки Екатерины Второй. М., 1989. С. 71–72.

2. *Mémoires commencés le 21 d'avril 1771* // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. XII. С. 5

3. *Кобеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1883. С. 76–77.

4. *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. 7. С. 445.

5. *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 87–88.

6. См. подробно: *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 20–68.

7. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 1–72.

8. Там же. С. 143–194.

9. О датировке третьей части см. подробно: *Сафонов М.М.* «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 82.

10. Сексуальные откровения Екатерины II и происхождение Павла I // *Reflexions on Russia in the Eighteenth Century* / Ed. by J. Klein, S. Dixon, M. Graanje. Vien, 2001; *Сафонов М.М.* О происхождении Павла I // Император Павел I — взгляд XXI века. СПб., 2004. С. 5–20.

11. *Mémoires commences le 21 d'avril 1771*. С. 186.

12. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 193–194.

13. См. подробно: *Сафонов М.М.* Большой двор против Малого // Российский императорский двор и Европа: диалоги культур: тр. Государственного Эрмитажа. СПб., 2007. Т. XXXVI. С. 95–101.

14. В Москве при первой встрече с Елизаветой Петр пришел со своим двором. Подал руку матери и повел к царице. Во время беседы матери с Елизаветой, великий князь беседовал с Екатериной. Отвел в их комнаты, ужинали вместе с его двором. Удалился к себе. На следующий день, 10 февраля, у него день рождения. Обедали.

15. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 17, 22, 28–31, 39, 41, 42, 44.

16. «Я похудела, как скелет, выросла, но лицо и черты мои удлинились; волосы у меня падали, и я была бледна смертельно. Я сама находила, что страшна, как пугало, и не могла узнать себя. Императрица прислала мне... банку румян и приказала наругаться», — говорится во второй редакции записок, составленной в первой половине 1790 г. (Собственноручные записки, начатые императрицей Екатериной II // Записки Екатерины Второй. С. 213).

17. Там же. С. 44.
18. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 45.
19. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 45.
20. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 45.
21. По этому поводу мать Екатерины Иоганна Елизавета писала своему мужу.
22. «...ce n'étais pas à moi á l'entamer, la modestie me l'aurapit defendu, si j'en avias sentie, et la fierté naturelle de mon âme étais suiffisante pour m'empêcher de faire les premieres pas; pour lui il ne s'en avisait pas seulement, ce qui, à dire la verité, ne me préparait pas infiniment en sa faveur; les filles, on a beau dire quelque bien élevée qu' elles soient, aiment les douceurs et les propos tendres, surtout de ceux, de qui elle peuvent les entendre sans rougir» (Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 45).
23. Уверял Екатерину, что епископ С. Теодорский сможет убедить ее в правильности православия, поправлял ее произношение, когда она готовилась произнести Символ веры, накануне помолвки прислал невесте часы и великолепный веер (Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 45, 48, 50).
24. Там же. С. 469.
25. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 443.
26. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 478.
27. Там же. С. 482.
28. *Siebigk F.* Katarina der Zweiten brautreise nach Russland 1745. Dessau, 1873. S. 45; *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. I. С. 81.
29. Там же. С. 120.
30. *Siebigk F.* Op. cit. S. 69.
31. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 58.
32. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 59.
33. РГАДА. Ф. VII. Оп.1. № 1174. Л. 20–21, 26–32.
34. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 58.
35. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 483.
36. Там же. С. 64.
37. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 62.
38. Там же. С. 64.
39. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 66.
40. Там же.
41. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 65.
42. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 67.
43. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 65.
44. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 74.
45. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 74.
46. Там же. С. 75; Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 75.
47. Там же. С. 476.

48. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 81.
49. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 486—487.
50. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 82.
51. Там же. С. 83.
52. Там же. С. 85.
53. Там же. С. 87.
54. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 89.
55. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 87.
56. Там же. С. 86.
57. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 88.
58. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 87.
59. Там же.
60. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 488.
61. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 459.
62. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 488—499.
63. Там же. С. 488.
64. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 460.
65. См. подробно: Сафонов М.М. Полк его высочества // Петербургский журнал. 2014. № 2.
66. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 94.
67. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 92.
68. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 94.
69. Там же. С. 96.
70. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 94.
71. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 102.
72. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 99.
73. Тема болтливости великого князя постоянно возникает в мемуарах. Когда лакей Т. Евреинов сообщил Екатерине, что А. Чернышев содержится под арестом в Рыбачьей слободе, он умолял ее скрыть это от великого князя, «который был крайне болтлив». В тот момент, когда из-за интриги с девицей Кошелевой Н.Н. Чоглокову грозила отставка, Крузе умоляла Екатерину «ничего не говорить великому князю». «Все повторяли мне вечно эту просьбу, — подчеркивает мемуаристка, — во всех случаях, когда мне что-нибудь рассказывали». Тем не менее Екатерина пересказала новость мужу, не упоминая Крузе, и при этом прибавила, что «малейшая его болтливость помешает отставке Чоглоковых». Мемуаристка надеялась, что первые порывы радости пройдут раньше, чем Петр «будет иметь случай как-нибудь проболтаться» (Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 101—103, 134).
74. Там же. С. 102.
75. Там же. С. 105.
76. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 192.
77. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 105.
78. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 101.

79. Там же. С. 102.
80. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 104.
81. Сафонов М.М. «Комнатная» гвардия // Междунар. науч.-практ. конф. «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», 29–31 марта 2005 г., Санкт-Петербург. М., 2006. С. 559–364.
82. РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1174. Л. 47–48 об.; Сафонов М.М. Воспоминания в Царском Селе (Екатерина II против Екатерины Великой) // Царское Село на перекрестке времен и судеб. СПб., 2010. С. 184–185.
83. См. подробно: Сафонов М.М. Великий князь Петр Федорович и полк его высочества // Немцы в Санкт-Петербурге Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб., 2013. С. 7–16.
84. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 102.
85. См. подробно: Лярская Е.П. Библиотека Петра III в Картинном доме (Ораниенбаум) // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983.
86. РГАДА. Ф. 1062. Оп. 1. № 1062. Л. 62–131; № 1174. Л. 1–130. См. подробно: Сафонов М.М. Полк его высочества // Петербургский журнал. 2014. № 2.
87. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 106.
88. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 103–104.
89. Там же. С. 104.
90. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 107.
91. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. IV. С. 70.
92. См. подробно: Сафонов М.М. Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский журнал. 2014. № 1.
93. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 105.
94. Там же. С. 108.
95. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 111–112.
96. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 109.
97. Там же. С. 110.
98. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 113–114.
99. Там же. С. 121.
100. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 117.
101. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 122.
102. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 152.
103. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 155–156.
104. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 154.
105. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 157.
106. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 160.
107. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 164–165.
108. Там же. С. 145.
109. Там же. С. 132.
110. Там же. С. 130.

111. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 126.
112. Там же. С. 127.
113. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 152.
114. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 149–150.
115. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 186.
116. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 133.
117. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 137–138.
118. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 171.
119. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 176.
120. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 134.
121. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 138.
122. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 142.
123. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 146.
124. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 144.
125. Там же. С. 167.
126. Там же. С. 169.
127. *Грибовский А.М.* Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 23–25.
128. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 174.
129. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 169.
130. Там же. С. 178.
131. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 185.
132. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 171.
133. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 177.
134. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 172.
135. Там же.
136. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 178.
137. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 173.
138. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 178–179.
139. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 173.
140. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 179.
141. Там же. С. 159–160.
142. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 176.
143. Там же. С. 177.
144. Там же. 165.
145. Там же. С. 166.
146. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 158.
147. Там же. С. 172.
148. Mémoires commences le 21 d'avril 1771. С. 167.